

Джиrolамо Савонарола

ТРАКТАТ ОБ УПРАВЛЕНИИ ФЛОРЕНЦИЕЙ

(Вступ. ст., пер. и коммент. У.С. Рахновской)

Зимой 1498 г., когда при покровительстве благожелательно настроенной Синьории был отпечатан трактат Савонаролы, посвященный анализу политического строя Флоренции, до ареста и казни проповедника оставалось всего несколько месяцев; влияние монаха в городе клонилось к закату. Приступая к написанию трактата в начале 1498 г., Савонарола готовился преподнести свою предшествующую проповедническую деятельность как связанную с восстановлением и укреплением пополанского правления в городе, подчеркнуть свою прореспубликанскую позицию и обосновать преимущества нового государственного устройства, введенного в ходе поддержанной им реформы в декабре 1494 г.

Вопреки мнению, берущему начало от благочестивых биографов монаха и воспринятому впоследствии историками XIX в., Савонарола не был с первых лет жизни убежденным поборником политического равноправия и борцом за социальную справедливость¹. Выступления феррарского проповедника, появившегося во Флоренции впервые в 1482 г. и вернувшегося туда семью годами позже по приглашению Лоренцо Медичи, не отличались вниманием к форме политического устройства и распределения власти в чужом ему городе. Проблемы социального неравенства, морального облика правителя и т.п. в сохранившихся от того периода проповедях затрагивались им в весьма общем виде²; в них не звучало ни надежды на скорые конституционные преобразования, ни призывов расширить доступ к управлению государством, ставшему прерогативой Лоренцо и узкого круга его сторонников. Не было в них и конкретной программы, которая могла бы сплотить вокруг оратора оппозиционно настроенную массу пополанства и часть олигархии, – т.е. слои, с 1480 г. окончательно отстраненные Медичи от распределения и исполнения должностей, а также от утверждения законов. Своей популярностью, выросшей к началу 90-х годов, Савонарола, лояльно относившийся к Медичи, был обязан скорее собственным предсказаниям о потрясениях, ожидающих Италию, о грядущих переменях, предвещающих обновление христианства, – одним словом, тому, что пафос его проповедей оказался созвучным тем эсхатологическим настроениям, которые охватывали на исходе столетия самую пеструю аудиторию, от гуманистического кружка Лоренцо до ремесленников и маргиналов.

В дальнейшем сам ход событий поставил доминиканца в самый центр политических катаклизмов: его предсказания о нашествии грозного завоевателя и о последующем обновлении (сам проповедник склонен был понимать это обновление в религиозно-нравственном ключе, горожане же – в социально-политическом) совпали с завоевательным походом французского короля Карла VIII и

¹ Концепция, характерная для таких работ, как: Villari P. La storia di Girolamo Savonarola e de suoi tempi. Firenze, 1910; Ferrara M. Introduzione // Savonarola G. Prediche e scritti. Milano, 1930; Ridolfi R. Savonarole. P., 1957, и целого ряда популярных сочинений.

² См.: Diversi appunti e sommarii assai incompiuti di lezioni e sermoni inediti del Savonarola // Villari P. Op. cit. Vol. 1. App. P. XXI–XXXIV; Prediche del reverendo padre fra Girolamo Savonarola da Ferrara sopra il salmo *O Quam Bonus Israel Deus*. Venetia, 1544.

изгнанием Пьеро Медичи из города, совершенным по инициативе и в интересах олигархии. Савонарола с этого момента и в собственном сознании, и в глазах горожан уже нес моральную ответственность за дальнейшую судьбу города, как человек, осуществляющий посредничество между Всевышним и богоизбранным народом. Однако только спустя месяц после изгнания Пьеро 9 ноября 1494 г. в проповедях монаха появились конкретные рекомендации относительно государственного устройства Флоренции³; с этого времени он начал уделять все больше внимания перемене правления, которую воспринял позитивно и рассматривал как шаг для дальнейшего нравственного реформирования города.

Постепенно идеи обновления церкви и осуществления духовной реформы обнаруживают для него связь с проблемами мирского, земного благополучия Флоренции: по его утверждению, только будучи сплоченной, богатой, сильной и независимой, она сможет в дальнейшем распространить реформу нравов на всю Италию⁴. На деле же, после изгнания Пьеро город на Арно стоял на пороге разорения и гражданской войны, так как благами переворота смогли воспользоваться только представители олигархии, что вызывало недовольство горожан. Между тем именно в пополанских кругах наиболее ощутимо к концу 1494 г. вырастает репутация Савонаролы: средние слои становятся к этому времени настолько политизированными, что доминиканец понимает: в стремлении привести их к нравственному совершенству он не может игнорировать и эти их насущные проблемы. В проповеди 14 декабря 1494 г. он впервые излагает программу установления нового строя во Флоренции, повторяя идеи, носившиеся в воздухе: расширение круга лиц, имеющих право избирать на должности и занимать их⁵.

В тексте закона *Reforma totius civitatis*, принятого 23 декабря, явно прослеживается влияние Савонаролы и присутствуют ссылки на его авторитет⁶. По реформе 23 декабря 1494 г. в городе вводилось правление Большого Совета, право на членство в котором имели свыше трех тысяч горожан — цифра, немыслимая по сравнению даже с домедичейскими коммунальными органами — с прерогативой избирать магистратов и принимать законы, и Совет Восьмидесяти, созданный как уступка олигархии и обладающий приоритетом в вотировании законов и ведении дипломатических дел.

Последующие несколько лет, пока происходит адаптация новой системы к реальным условиям, доминиканец в проповедях дает многочисленные рекомендации по тому, как отладить функционирование Большого Совета. Откликаясь на злободневную ситуацию, он поддерживает, а порой и подталкивает все законодательные шаги, призванные обеспечить главенство нового органа. Выступления в поддержку "широкого правления" свидетельствуют о том, что Савонарола в определенной мере воспринял дух флорентийской республиканско-патриотической идеологии, а также, на первый взгляд, говорят о его внепартийной

³ См.: *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo / A cura di L. Firpo. Roma, 1965.*

⁴ "Ты будешь сильна в духовном и в мирском отношении" (*Ibid.* P. 167); "Я возвещаю городу благу: Флоренция станет самой славной, самой богатой, самой могущественной, такой, какой никогда не была" (*Ibid.* P. 166).

⁵ *Ibid.* P. 211–212.

⁶ "...после взвешенного изучения и обсуждения со стороны многих мудрых и благоразумных горожан, а также тех, кого во всем народе принимают и почитают за добрых и исполненных благодати божьей", — гласит преамбула закона. (*Leggi costituzionali della Repubblica fiorentina dal 1494 al 1512 / A cura di G. Cadoni // Storia e politica, 1980 e sgg. II. P. 162.*)

позиции, о стремлении установить во Флоренции максимально бесконфликтный, компромиссный государственный порядок, основанный на верховенстве Большого Совета, призванного поглощать все политические течения, нейтрализуя их. Однако специфика религиозных воззрений проповедника, в понимании которого республиканский строй должен был способствовать воспитанию высоконравственных граждан, неизбежно выводила его выступления за рамки апологии нового правления самого по себе. В связи с этим уже к 1496 г. становится очевидным, что принимать и отстаивать его позиции во всей целостности согласны далеко не все прореспубликански настроенные граждане. Многие из флорентийцев, поддержавшие Савонаролу в конце 1494 г., начинают оспаривать его дальнейшее вмешательство в политику, его особое право диктовать те или иные законодательные меры, его стремление возложить на государственные органы обязанности регулировать сферу общественной и частной морали, его призывы наказывать недовольных как государственных преступников. Доминиканец, пытающийся проводить свою программу через политически активных преданных ему “плакс”, утрачивает свое положение политического теоретика, непричастного к партийным баталиям, и становится в глазах более светски настроенных флорентийцев главой партии, теперь уже угрожающей стабильности нового устройства⁷. Собственно, этой все нарастающей к началу 1498 г. поляризацией позиций относительно проповедника и обусловлена потребность Савонаролы написать апологию учрежденного при его участии строя, а также обосновать собственное место в нем.

* * *

В основе политической концепции Савонаролы⁸ лежит переработанная Фомой Аквинским теория государства Аристотеля. Еще около 1480 г. доминиканец посвящает проблемам политики книгу “De politia et regno”⁹ (“О государственном устройстве и монархии”), составленную наряду с другими книгами по моральной философии на схоластический манер для обучения послушников. И

⁷ См.: *Pampaloni G. Il movimento piagnone secondo la lista del 1497 // Studies on Machiavelli. Firenze, 1972. P. 338–346.*

⁸ Специфика политической теории Савонаролы впервые проанализирована, с привлечением “Трактата об управлении”, Д. Вайнштейном (*Weinstein D. Savonarola e Firenze. Profezia e patriotismo nel Rinascimento. Bologna, 1976. P. 317–345*). Этой же теме посвящена работа К.Леонарди (*Leonardi C. Savonarola e la politica nelle Prediche sopra l'Esodo e nel Trattato circa el reggimento e governo della città di Firenze // Savonarola e la politica. AA.VV. Firenze, 1998. P. 75–92*) и статья Дж.К. Гарфаньини (*Garfanini G.C. Savonarola e la morte del tiranno // Savonarola. Democrazia, tirannide, profezia. Firenze, 1999. P. 91–114*). В отечественной историографии политической деятельности проповедника посвящена монография А.Н. Осокина (Савонарола и Флоренция. Казань, 1863), где не уделено специальное внимание анализу “Трактата об управлении”. Этот источник подробно был рассмотрен в работе И.А. Красновой (Политическое устройство Флоренции в представлении Джироламо Савонаролы // *Средние века. 1994. Вып. 57. С. 137–157*). Необычная трактовка политических взглядов монаха предложена в статье В.П. Гайдука (Начала парламентаризма в Италии: “Трактат о государственном устройстве Флоренции” Джироламо Савонаролы // *Из истории европейского парламентаризма. М., 1997. С. 8–32*), где идеи трактата преподносятся как начало новой эпохи в политике, связанной с защитой гражданских свобод и культурой политической толерантности.

⁹ *De politia et regno // Savonarola N. Compendium totius philosophiae, tam naturalis, atque moralis. Venetiis, 1542. P.576–597.*

в этом раннем латинском сочинении, и в проповедях¹⁰, и в “Трактате об управлении” он строит свои рассуждения, отталкиваясь от утверждений о социальной природе человека и о возникновении государства и законов из потребности регулировать совместное проживание людей. Вслед за Фомой Савонарола также выделяет три типа правления – царский, аристократический и гражданский). Любопытно, что во всех сочинениях и проповедях монах указывает на монархию как на абсолютный идеал, однако за этим следует тезис, также воспринятый от Фомы, о том, что не всем народам в силу психологических, физиологических и интеллектуальных особенностей подходит то, что в теории является идеальным. В дальнейшем, говоря о том, что для флорентийцев пагубны как монархия, так и аристократическое правление, Савонарола уже не пересказывает Фому, а исходит из исторического опыта, из политических традиций города на Арно. Будучи знаком с “Историей Флоренции” Леонардо Бруни, проповедник повторяет столь дорогую для флорентийцев мысль о том, что город был основан при Римской республике и народ на протяжении веков впитал в себя свободолюбивый дух. К доводам здравого смысла Савонарола добавляет и утверждение о сакральном происхождении настоящего государственного строя, об учреждении Большого Совета как следствии непосредственного божественного вмешательства. В “Трактате об управлении”, в отличие от раннего схоластического сочинения, именно республика, а не монархия указывается в качестве гарантии от установления тирании. Тирания, которой посвящена вторая часть трактата, рассматривается Савонаролой как наибольшее зло – и не только в политическом отношении, как ущемление прав граждан, но и, что более важно для автора, в нравственном. По его убеждению, тирания для Флоренции неприемлема, потому что этому городу уготована высокая миссия в деле христианского обновления, а власть тирана влечет за собой упадок религии в государстве. Призывая флорентийцев терпеть несовершенство и изъяны любого другого правления, лишь бы не оказаться под властью тирана, Савонарола преподносит гражданское правление (*governo civile*) не столько как идеальный строй, сколько как единственное средство, спасающее город от гражданской розни и возвышения тирана. Главный путь к возвышению одного из граждан он усматривает в механизме распределения должностей коммуны, контролируемом кем-то единолично. Поэтому следует, по его мысли, весь народ, облечь полномочиями утверждать кандидатов на должности не впадая при этом в чрезмерный эгалитаризм; оптимальной формой является Большой Совет. Его господствующее положение в предыдущие годы зачастую подвергалось риску из-за отсутствия кворума. Говоря о мерах по обеспечению посещаемости, доминиканец обобщает то, что рекомендовал ранее в проповедях 1495–1497 гг., – речь идет не столько о системе как таковой, сколько о том, как воспитать чувство долга в гражданах. Еще одно явление, заключающее в себе опасность возникновения тирании, указывается в трактате – наличие в Совете группировок, заключающих тайные соглашения относительно принятия законов и выдвижения кандидатов на должности (следует отметить, что Савонарола умалчивает о том, что “плаксы” сами образовывали такую группировку). В духе предыдущих проповедей монах рекомендует сурово наказывать уличенных в этом, подчеркивая.

¹⁰ Свои представления о государстве Савонарола излагал в проповедях неоднократно, например 14.12.94 (*Prediche sopra Aggeo*); 6.01.95 (*Savonarola G. Prediche sopra i Salmi. Roma, 1969. Vol. 1*); 18.02.96, 24.02.96, 25.02.96 (*Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria. Roma, 1971. Vol. 1*), и т.д.

Что исключить из Совета следует на основе моральных критериев. Заключительные страницы трактата раскрывают то, как проповедник понимал суть народного правления – основным для него являются рекомендации по нравственному совершенствованию граждан; требуя учреждения строгой системы правосудия по отношению к “дурным людям”, он, как и в предшествующие годы, понимает под ними не сторонников иных политических взглядов, а нравственно испорченных горожан. Обещая небесные блаженства сторонникам “широкого правления”, Савонарола завершает апологию нового флорентийского государства в мистическом ключе.

* * *

“Трактат об управлении Флоренцией” – сочинение, в котором политическое кредо Савонаролы изложено в наиболее зрелой и систематизированной форме, с одной стороны, не представляет нам его как оригинального политического мыслителя. Действительно, здесь имеет место синтез аристотелевско-томистской теоретической базы с республиканской патриотической идеологией гражданского гуманизма и осмыслением политической практики Флоренции. Тем не менее мы имеем дело с достаточно самобытным произведением – главным образом, потому что своеобразие политической концепции Савонаролы заключается в его мистическом понимании будущего обновленной Флоренции, где установление совершенной формы правления переплетается с духовным возрождением города и подчинено именно этой цели.

* * *

Перевод трактата сделан по Национальному изданию сочинений Савонаролы (Trattato circa el reggimento e governo della città di Firenze // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo // A cura di L. Firpo. Roma, 1965. P. 435–487).

ТРАКТАТЫ

монаха Иеронима Савонаролы

Об управлении и руководстве городом Флоренцией

(Составлено по просьбе высочайших синьоров во то время, когда Джульяно Сальвиати был гонфалоньером правосудия)

Пролог

Поскольку писали в изобилии, и с большим знанием дела, многие выдающиеся люди, в высшей степени отличающиеся умом и учением, о городах и о царствах, то мне, о великолепные и высочайшие синьоры, кажется излишним сочинять еще книги на подобную тему, так как это значило бы умножать число книг без пользы. Но коль скоро Ваши Милости просят меня, чтобы я написал не о царствах и городах в общем, но занялся бы преимущественно новым правлением города Флоренции, то, как надлежит мне по чину моему, оставив всякое приведение доказательств и излишние слова, и с воз-

можно большей краткостью, не могу отказаться от такого дела, ибо оно очень подобает вашему государству и полезно всему народу, и необходимо в настоящее время в моем служении.

Потому что, когда я в течение многих лет проповедовал по воле божьей в этом вашем городе, всегда мы следовали четырем темам: то есть, я пытался всеми силами моего ума подтвердить истинность веры, и доказать, что простота христианской жизни является высшей мудростью, и раскрывать будущие события, некоторые из коих уже совершились, а другие случатся вскоре, и последнее – об этом новом правлении вашего города; и раз уж я изложил в письменной форме первые три¹ (третью книгу из которых, озаглавленную “О пророческой истине”, мы однако еще не опубликовали), остается нам написать еще о четвертой теме, чтобы все видели, что мы проповедуем чистое учение, согласное со здравым смыслом и с учением Церкви.

И поскольку моим намерением было написать об этом предмете на латинском языке, как были составлены нами первые три книги, и разъяснить, насколько и когда надлежит монаху заниматься светскими делами и вмешиваться в них, тем не менее, из-за того, что ваши светлости попросили меня написать на вольгаре и как можно скорее, для всеобщей пользы, так как немногие по сравнению с образованными понимают латынь, я с удовольствием побыстрее завершу этот трактат, а потом, когда я смогу быть более свободен от настоящих забот, приступим к латинскому, по благодати всемогущего Бога.

Итак, прежде всего мы вкратце обсудим наилучшее для города Флоренции правление, во вторую очередь – наихудшее. Потому что, хотя прежде надлежит исключить зло и после создавать благо, тем не менее, поскольку зло есть отсутствие добра, невозможно будет понять зло, если прежде не понять добра. И поэтому необходимо, согласно порядку учения, рассказать сначала о наилучшем правлении, а не о худшем. В-третьих, мы разъясним, на каких началах в этом городе Флоренция можно устранить наихудшее правление и учредить, усовершенствовать и сохранить нынешнее благое правление, чтобы оно стало наилучшим.

Трактат первый

Глава 1. О том, что в человеческих делах управление необходимо; и каково доброе и каково дурное управление.

Всемогущий Бог, который правит всей вселенной, двумя способами вдыхает в творения силу своего управления. Ибо в творения, которые не обладают рассудком и свободой воли, вселяет некоторые добродетели и совершенства, благодаря чему они склонны естественным образом идти к собственной цели нужными средствами,

без изъяна, если им не препятствует какая-либо противная вещь, что случается редко. Поэтому такие творения не управляются сами собой, но Богом и данной им природой ведутся к собственным целям. Но творения, имеющие дар разума, как человек, управляются им таким образом, что ему угодно, чтобы они управляли собой сами; поэтому он дает им разум, с помощью которого они могли бы распознавать, что им полезно, а что нет, и способность свободной воли, чтобы свободно выбирать то, что им нравится. Но поскольку свет разума очень слаб, особенно в детстве, то человек не может в совершенстве управлять собой без помощи другого человека, особенно потому, что каждый человек в отдельности не самодостаточен и не может один удовлетворять все свои потребности, как телесные, так и духовные. Поэтому мы видим, что природа предусмотрела для всех животных то, в чем они нуждаются для своей жизни, то есть пищу, одежду, средства защиты; и когда они заболевают, то, управляемые природным инстинктом, прибегают к целебным травам. Эти вещи для человека не предусмотрены, но Бог, правитель всего, дал ему рассудок и руки, с помощью которых он мог бы сам приготовить себе все названное. И поскольку, принимая во внимание уязвимость человеческого тела, необходимо почти бесконечное число вещей, чтобы его питать, возвращать и сохранять, для изготовления которых требуются многие ремесла, и невозможно, чтобы ими обладал один человек, то стало необходимо, чтобы люди жили вместе, чтобы один помогал другому, и один бы занимался одним ремеслом, а другой – другим, и вместе они бы занимались в совершенстве полной совокупностью всех наук и ремесел.

По этому поводу хорошо сказано, что, кто живет один, – или Бог, или зверь; то есть или он столь совершенен, что почти как Бог на земле (ибо, как Бог ни в чем не имеет нужды, так он не имеет нужды в помощи какого-либо человека, как святой Иоанн Креститель, или святой Павел отшельник и многие другие), или он как зверь, то есть полностью лишен рассудка, и поэтому не заботится ни об одежде, ни о доме, ни о выращивании и приготовлении пищи, ни об общении с людьми, но следует инстинкту чувствительной части, отбросив всякое рассуждение. Однако, поскольку очень мало людей столь совершенных или столь диких, то за исключением таковых все остальные вынуждены жить в деревне, или в городах, или в замках, или в поместьях, или в иных местах.

Но, оттого что род человеческий очень склонен ко злу, особенно когда он живет без закона и страха, стало необходимым обрести закон, чтобы обуздать дерзость дурных людей, дабы те, кто хочет жить хорошо, были в безопасности; особенно потому, что нет более дурного животного, чем человек без закона. По этой причине мы видим, что жадный человек несравнимо более алчен и более ненасытен, чем

все другие животные, так как ему недостаточно всех яств и всех способов их приготовления, какие только есть в мире, и он стремится удовлетворить не природе, но потрафить своему необузданному желанию. Подобным же образом он превосходит всех животных в сластолюбии, ибо не соблюдает в отличие от них ни должных сроков, ни способов, более того, делает такое, о чем подумать, даже услышать мерзко, что не помышляет сделать ни одно животное. И в жестокости он их превосходит, потому что не воюют животные друг с другом так жестоко, особенно те, что принадлежат к одному виду, в отличие от людей, которые даже изобретают различные орудия с тем, чтобы поражать друг друга, и разные способы пытать и убивать друг друга. Помимо этого в людях есть гордыня, тщеславие и зависть, от чего происходят между ними раздоры и нестерпимые войны. И все же, поскольку люди вынуждены жить в сообществе с другими и хотят жить вместе, было необходимо изобрести законы, посредством которых дурные были бы наказаны, а добрые вознаграждены.

Но поскольку давать законы подобает только вышестоящему, и заставить соблюдать их может лишь тот, кто имеет власть над другими людьми, было необходимо установить, кто будет заботиться об общем благе и у кого будет власть над другими. Так как, если бы никто не заботился об общем благе, то не могло бы получиться человеческое сообщество, и весь мир пришел бы в беспорядок, потому что каждый отдельный человек ищет собственного блага. Итак, некоторые люди договорились постановить, что будет кто-то один, кто заботился бы об общем благе и кому бы каждый повиновался; и такое правление было названо царством, а тот, кто правил, – царем. Некоторые другие, или оттого, что не могли сойтись на одном, или им так казалось лучше, сошлись на выдающихся, лучших и самых благоразумных в общине, желая, чтобы те управляли, распределяя между ними должности на различные сроки; и это было названо правлением оптиматов. Другие захотели, чтобы управление осталось в руках всего народа, который должен был распределять должности на разные сроки по своему усмотрению; и это было названо гражданским правлением, поскольку принадлежит всем гражданам.

Итак, поскольку управление общиной изобретено для заботы об общем благе, чтобы все люди могли жить вместе мирно, совершенствоваться в добродетелях и более легко достичь вечного блаженства, то такое правление хорошо, которое со всей тщательностью стремится сохранить и приумножить общее благо и направить людей к добродетелям и к доброй жизни, и особенно к почитанию Бога; и то правление дурно, которое оставляет общее благо и стремится к своему собственному благу; такое правление называется тираническим. Таким образом, мы увидели необходимость правления для людей, и каковы в общем благое и дурное правления.

Глава 2. Хотя правление одного, когда оно благое, и является по природе наилучшим, однако оно хорошо не для всякого сообщества.

Итак, поскольку то правление хорошо, которое заботится об общем благе, как духовном, так и мирском, будь оно осуществляемо одним, или главными из народа, или всем народом, следует знать, что в абсолютном смысле гражданское правление – хорошее, правление оптиматов – лучше, а царское – наилучшее. Ибо, если единство и мир народа – цель правления, то гораздо лучше эти единство и мир сохраняются одним, а не многими, и лучше несколькими, чем множеством; потому что, когда люди в сообществе должны обращать внимание на одного, и его слушаться, они не рассеиваются на части, но все объединяются в любви к нему и в страхе перед ним. Но когда таких много, то один обращает внимание на одного, другой – на другого, одному нравится один, а другому – другой, и народ не в такой степени един, как при царствовании одного; и тем менее он един, чем больше тех, кто правит. Так как единая сила более сильна, чем рассеянная: поэтому огонь сильнее, когда его части объединены и связаны вместе, чем когда они рассеяны и разрознены.

Итак, коль скоро сила правления более едина и прочна скорее при одном, нежели при многих, следует, что по природе единоличное правление, когда оно доброе, лучше и действенней других. А также, поскольку управление миром и природой является наилучшим, а искусство подражает природе, то чем более управление в делах человеческих уподоблено управлению в мире и в природе, тем более оно совершенно. И поскольку мир управляется одним, то есть Богом, и все вещи в природе, где заметно хоть какое-нибудь управление, управляются одним (как пчелы одной царицей, а силы души – разумом, а члены тела – сердцем, и подобным образом – в остальном), следовательно, управление в делах человеческих, осуществляемое одним правителем, по своей природе превосходит все остальные. Поэтому наш Спаситель, желая установить в Церкви свое наилучшее правление, сделал Петра главой всех верных, и в каждой епархии, даже в каждом приходе и монастыре пожелал, чтобы управлял один; и в итоге все малые главы подчинялись бы одной главе, его викарию.

Итак, говоря в абсолютном смысле, правление одного, когда оно благое, превосходит все другие правления; и нужно установить такое правление в каждом сообществе, если это возможно, то есть, чтобы весь народ согласно избрал одного доброго государя, и справедливого, и благоразумного, которому каждый должен был бы повиноваться. Но следует отметить, что нехорошо, и нельзя, и не должно пытаться ввести в каждом сообществе, так

как часто бывает, что превосходное в абсолютном смысле не является благим, даже может быть худо в каком-либо месте или кому-либо, как это бывает с состоянием совершенства в духовной жизни, то есть с монашеским саном, который сам по себе является наилучшим, но, тем не менее, его нельзя навязывать всем христианам; не должно пытаться это сделать, это не будет хорошо, потому что не многие смогли бы это понести и внесли бы раскол в Церкву, как говорит Спаситель наш в Евангелии: “И никто к ветхой одежде не приставляет заплату из старой ткани, ибо вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже; и не вливает также вина молодого в мехи ветхие, иначе прорываются мехи и вино вытекает”². Так, мы видим еще, что какое-то блюдо само по себе вкусно и превосходно, а кому-то, если бы он его съел, оно было бы ядом; и воздух, сам по себе совершенный, плох для какого-нибудь телосложения. Так же и правление одного, превосходное само по себе, было бы дурным и наихудшим для какого-нибудь народа, склонного к раздорам, так как часто случались бы преследования и убийства государей, из чего бы происходило бесконечное зло для общества, ибо после смерти государя народ разделится бы на партии, от чего произошла бы гражданская война и было бы много вождей; тот среди них, кто превзошел бы других, стал бы тираном и в итоге навредил бы всему благоденствию города, как мы покажем ниже. И если при таком народе государь захотел бы утвердиться и защититься, то ему необходимо было бы стать тираном и изгнать всех могущественных, и отобрать имущество у богатых, и обложить народ многими податями – иначе он не сможет утвердиться никогда.

Итак, бывают некоторые народы, природа которых такова, что не может выносить правление одного без каких бы то ни было великих и невыносимых неудобств; как телосложение и привычки некоторых людей, привыкших находиться на открытом воздухе и в полях, таковы, что если бы кто захотел их заставить жить в удобных и теплых комнатах, с хорошими одеждами и изысканными яствами, то быстро довел бы их до болезни и смерти. И поэтому мудрые и благоразумные люди, которые должны установить какое-либо правление, прежде рассматривают природу народа; и если его природа или обычай таковы, что он может с легкостью принять правление одного, то его устанавливают прежде всего; но если это правление им не подходит, то пытаются сделать второе – правление оптиматов. А если и это не сможет вынести, то устанавливают гражданское правление с такими законами, что подходят к природе этого народа. Теперь посмотрим, какое из этих трех хороших правлений больше подходит флорентийскому народу.

Глава 3. *О том, что гражданское правление является наилучшим в городе Флоренции*

Без сомнения (если тщательно взвесить сказанное), если бы флорентийский народ вынес правление одного, то нужно было бы дать ему государя, не тирана, который был бы благоразумным, справедливым и добрым. Но если мы хорошо изучим высказывания и рассуждения мудрых, как философов, так и богословов, мы ясно увидим, что в соответствии с природой этого народа ему не подходит такое правление. Так как говорят, что такое правление подходит народам, которые имеют рабскую природу, в ком недостает темперамента или ума, или и того, и другого. Ибо, хотя те, в ком изобилует темперамент, сильны телом и отважны в войнах, но если не хватает ума, то легко заставить их подчиняться одному государю, потому что против него им будет нелегко строить козни из-за слабости ума, более того, они следуют за ним, как пчелы за царицей, как это видно у северных народов; а те, у кого ум есть, но не хватает темперамента, легко подчиняются одному государю, будучи робкими, и спокойно живут при нем, как восточные народы; а в особенности, когда не хватает ни того, ни другого. Но народы, у которых в изобилии ум и темперамент, и дерзкие, не могут с легкостью управляться одним, если он не будет их тиранить; так как они беспрестанно строят козни против государя, и по своей дерзости легко приводят их в исполнение, как это всегда было в Италии, которая, как мы знаем по опыту прошлых лет вплоть до настоящего, никогда не могла находиться долго под правлением одного государя; более того, мы видим, что она, будучи маленькой областью, разделена между князьями, которых почти столько же, сколько городов, города же никогда не находятся в мире между собой.

Итак, флорентийский народ, будучи умнейшим среди всех народов Италии и самым смекалистым во всех своих начинаниях, еще и горяч и отважен, как много раз показывал опыт; ибо, хотя он и занимается торговлей и кажется народом спокойным, тем не менее, когда затевает какое-либо предприятие (или гражданскую войну, или против внешних врагов), то очень страшен и горяч, как написано в хрониках войн, которые он вел против различных великих государей и тиранов, коим он никогда не хотел уступать, более того, наконец смог себя защитить и одержал победу. Итак, природа этого народа такова, что он не может подчиниться правлению государя, будь тот даже благ и совершенен; ибо, поскольку плохих всегда больше, чем хороших, из-за хитрости и горячности дурных граждан он будет или предан и убит (потому что они в высшей степени склонны к честолюбию), или будет вынужден стать тираном. И если мы рассудим более тщательно, то поймем, что этому народу не

подходит не только правление одного, но и правление оптиматов, так как привычка – вторая натура; ибо как природа подчинена одному пути и не может от него отклониться, как камень склонен к падению, и поднять его можно только лишь силой, так и привычка обращается в природу, и очень сложно, почти невозможно отвратить людей, а особенно народы, от их привычек, и это даже плохо, поскольку такие привычки уже стали для них естественными.

Так вот, флорентийский народ, издревле избравший гражданское правление, настолько привык к этому, что помимо того что для него это – самое естественное и самое подходящее правление, оно еще и в силу обычая настолько запечатлелось в сознании горожан, что было бы трудно, даже невозможно отвратить его от него. И хотя они уже многие годы находились под руководством тиранов³, тем не менее те граждане, которые тогда присваивали себе власть, не так управляли, чтобы с легкостью лишить Синьорию⁴ всего, но с большой хитростью руководили народом, не отвращая его от того, что ему естественно и привычно – они не тронули форму правления в городе и все ординарные магистратуры, заботясь меж тем, чтобы в эти магистратуры входили только их друзья⁵. Поэтому, раз уж у народа осталась гражданская форма правления, она стала для него столь естественной, что пожелай кто-нибудь изменить ее и дать другую форму правления, это было бы против природы и против древнего обычая; подобная вещь породила бы такое возмущение и такие раздоры в городе, что подвергла бы его опасности вовсе потерять свободу – лучшим образом это подтвердит опыт, наставник всех искусств. Потому что, всякий раз когда управление во Флоренции попадало в руки оптиматов, возникало сильное разделение, и никогда оно не успокаивалось, пока одна партия не изгоняла другую и один из граждан не становился тираном. Тиран так сильно подавлял свободу и общее благо, что умы народа постоянно были недовольны и беспокойны. И если город был разделен и полон раздоров в прошлом из-за честолюбия и из-за ненависти между главными горожанами, то таким же он был бы особенно сейчас, если бы Бог не устроил все по своей благодати и милосердию, когда были возвращены граждане, изгнанные в различное время теми, кто правил, особенно с 1434 года⁶ до сих пор; и поскольку многие питали в это время сильную ненависть из-за обид, нанесенных различным домам и семействам, то, не вмешайся Господь, пролилось бы много крови, и разгромлены были бы многие семьи, и последовали бы раздоры и гражданские войны, как внутри, так и снаружи. И ни один из здравомыслящих людей, находившихся в городе во время прихода короля Франции⁷, не усомнится, что происходившее тогда стало бы для города последним ударом; но Совет⁸ и гражданское управление, основанное в нем не людьми, но Богом, стало орудием божественного

провидения в сохранении свободы по молитвам добрых мужчин и женщин, находящихся в городе. Бесспорно, что кто еще не полностью утратил из-за грехов своих здравый смысл, вспомнив, в какой опасности находился город три года назад, не станет отрицать, что он был управляем и храним Богом.

Итак, мы приходим к заключению, что и в силу божественной власти, от которой произошло настоящее гражданское правление, и по другим изложенным выше причинам, в городе Флоренции гражданское правление является наилучшим, хотя само по себе оно не таково; и что правление одного, само по себе и хорошее, не является хорошим и уж тем более наилучшим для флорентийского народа, как степень совершенства в духовной жизни сама по себе – наилучшая, хотя и не является ни наилучшей, ни хорошей для многих верующих христиан, для которых лучше какое-то другое состояние, пусть само по себе и не наилучшее. Итак, мы разъяснили первый пункт, то есть какое правление для города Флоренции самое лучшее; теперь время разъяснить второе – то есть какое правление будет для него наилучшим.

Трактат второй

Глава 1. О том, что правление одного, когда оно дурное, является наилучшим, особенно если тиран происходит из горожан.

Царствование одного, когда оно благое, является как наилучшим среди всех правлений, так и самым устойчивым, и не так легко обращается в тиранию, как правление многих, так как, чем более расширяется правление, тем легче порождает оно разногласия. Тем не менее, так же как благое является совершенным и самым устойчивым, так и несправедливое и дурное является по своей природе наилучшим среди всех дурных правлений. Во-первых потому, что наилучшее является противоположностью лучшего, как зло противоположно добру; поскольку правление одного наилучшее, когда оно благое, следовательно, оно наилучшее, когда дурное. Во-вторых, как мы сказали, единая сила более мощная, чем рассеянная; итак, когда правление в руках тирана, сила этого дурного правления сосредоточена в одном; а поскольку плохих всегда больше, чем хороших, и каждый любит себе подобного, все плохие люди стремятся объединиться с ним, и особенно те, кто желает поощрения и почестей, и многие еще объединяются из страха; а те люди, которые в общем не порочны, но любят земные блага, тянутся за ним или из страха, или из любви к тому, чего они желают; а те, кто добры, но не во всем совершенны, следуют за ним из страха и не дерзают противиться; и поскольку совершенных людей мало, даже почти вовсе нет, вся си-

ла правления соединяется в одном. А он, будучи дурным и несправедливым, доводит всякое зло до предела и с легкостью извращает все доброе. Но когда управляют много дурных людей, один мешает другому; и поскольку сила правления рассеяна во многих, они не имеют столько мощи чтобы делать желаемое зло, сколько имеет один тиран. В-третьих, любое правление тем хуже, чем более оно отдалено от общего блага; ибо, поскольку общее благо – цель всякого доброго правления, то чем больше оно к нему приближается, тем оно совершеннее, и чем более от него отдаляется, тем оно хуже, так как всякая вещь обретает совершенство путем приближения к своей цели, а отдаляясь от нее, становится несовершенной. Но несомненно, что дурное правление многих менее отдаляется от общего блага, чем правление одного; ибо, хотя эти многие присваивают себе общее благо и делят его между собой (то есть, доходы и чины), тем не менее, поскольку их много, то это благо в какой-то степени остается общим. Но когда все общее благо растворяется в одном, оно никак не может быть общим, более того, оно все становится частным; и поэтому дурное правление одного – наихудшее из всех правлений, так как дальше всего отстоит от общего блага и более всех его разрушает. В-четвертых, к этим причинам прибавляется продолжительность, потому что правление одного по природе своей более устойчиво, чем правление многих, и не так легко (хотя оно и дурное) ему воспрепятствовать и прервать его, как правление многих; ибо члены идут вслед за главой и с большим трудом восстают против нее. При тираническом правлении очень сложно, чтобы появился предводитель, противостоящий ему, так как он всегда бдительно подавляет людей, которые могли бы возвыситься, и заботится о том, чтобы подданные не могли устраивать собраний, и всегда начеку в таких делах. Но когда управляют несколько человек, легче устранить их дурное правление, так как легче собрать добрых людей вокруг того, кто ведет себя правильно, и рассорить плохих, чтобы они не объединились; это просто, потому что каждый из них ищет собственного блага, из-за чего между ними быстро рождаются разногласия. А дурное правление одного в этом отношении хуже других, потому что труднее всего ему воспрепятствовать и пресечь его. Однако нужно отметить, что, хотя по природе своей дурное правление одного наихудшее, тем не менее случаются гораздо большие затруднения при дурном правлении многих, чем при правлении одного, особенно в том, что касается цели; ибо, когда правление многих дурное, оно тут же разделяется на многие части и таким образом они начинают раздирать общее благо и мир, и наконец, если не управляется [положение], неизбежно одна партия возвышается и изгоняет другую. Из этого следует бесконечное зло – и мирское, и телесное, и духовное; наибольшее же из них в том, что правление рас-

творяется в одном, потому что тот, кто имеет большее расположение в народе, становится из гражданина тираном. И хотя правление одного, когда оно дурное (как мы сказали), является наихудшим, тем не менее есть большая разница между правлением того, кто превратился в тирана из естественного и настоящего синьора, и того, кто стал тираном из гражданина, ибо от этого происходит гораздо больше неприятностей, чем от первого; потому что, если он хочет царствовать, ему нужно удалить или путем убийства, или через ссылку, или другими способами не только тех горожан, которые являются его противниками, но всех, кто равен ему по знатности, или по богатству, или по репутации, и убрать с глаз долой всех, кто может ему досаждать; от этого происходят бесконечные злодеяния. Но этого не бывает с тем, кто является естественным правителем, ибо нет никого, кто был бы ему равен, и горожане, привыкшие к подчинению, не замышляют ничего против его правления; поэтому он не живет в подозрениях, в которых живет гражданин, сделавшийся тираном.

И поскольку у народов, которые имеют правление оптиматов или гражданское, из-за ежедневных раздоров и из-за множества плохих людей, сплетников и клеветников с легкостью возникает разделение и переход к тираническому правлению, эти народы должны со всем усердием и прилежностью предусмотреть сильными и строгими законами, чтобы никто не смог стать тираном, применяя высшие меры наказания не только к тем, кто об этом рассуждает, но даже к тем, кто об этом упоминает; и в любом другом грехе иметь сострадание к человеку, но в этом – никакого сострадания, исключая, конечно, необходимость помогать душе; поэтому нельзя уменьшать какое наказание, но [нужно] даже увеличивать, чтобы дать пример всем, дабы каждый остерегался, я говорю, не то чтобы упоминать, но даже думать об этом. А кто в этом жалостлив или небрежен в наказании, тот тяжко грешит пред Богом, потому что дает начало тирании, от которой происходят бесчисленные злодеяния, как мы покажем ниже; ибо, когда дурные люди видят, что наказания слабы, то набираются дерзости, и понемногу все приходит к тирании, как капля воды понемногу точит камень. Итак, тот, кто не наказал этот грех тяжким образом, является причиной всех бед, которые происходят из тирании таких граждан; и поэтому каждому народу, который имеет гражданское правление, лучше терпеть все беды и неприятности, происходящие от их правления, раз уж оно несовершенно, чем позволить возвыситься тирану. И чтобы каждый лучше понял, какое зло происходит из правления тирана, хотя прежде мы об этом и проповедовали, тем не менее, для большего уразумения, мы опишем это в следующей главе в том, что касается основного, ибо желать сказать о всех его недостатках, и злоупотреблениях, и тяжких грехах, и бедах, происходящих от него, было бы невозможно, поскольку они бесчисленны.

Глава 2. *О коварстве и наихудшем положении тирана*⁹

Тиран – это имя человека дурной жизни, худшего среди всех людей, который хочет силой царствовать над всеми, особенно тот, кто стал тираном из гражданина. Потому что, во-первых, необходимо сказать, что он гордый, желает возвыситься над равными себе, даже над теми, кто лучше его, и над теми, которым ему следовало бы скорее подчиняться; еще он завистлив, и всегда печалится из-за славы других людей, особенно граждан его города, и он терпеть не может слушать, как хвалят других, хотя порой скрывает и слушает скрепя сердце; и он радуется бесчестию ближнего настолько, что хотел бы, чтобы всякий был опозорен, и только ему принадлежала бы слава. И поэтому из-за больших фантазий, печалей и страхов, которые всегда его гложут изнутри, он ищет удовольствий как лекарства своим скорбям; поэтому редко встречается, почти никогда, чтобы тиран не был бы сластолюбив и предан телесным наслаждениям. А поскольку нельзя ни пребывать в таком состоянии, ни предаваться желаемым удовольствиям без множества денег, следует то, что он в беспорядке жаждет вещей; из-за этого всякий тиран в том, что касается этого, – жадина и вор, так как он похищает не только власть, которая принадлежит всему народу, но и присваивает себе то, что принадлежит коммуне, помимо вещей, которых он жаждет и которые отбирает у частных граждан с осмотрительностью тайными, а иногда и явными путями. И из этого следует, что тиран предположительно имеет все грехи мира. Во-первых, потому что он имеет гордыню, сластолюбие и жадность, которые суть корень всех зол. Во-вторых, потому, что, коль скоро цель его – государство, которым он управляет, то нет такой вещи, которой он не делал бы, чтобы его удержать; и поэтому нет такого злодеяния, которое он не был бы готов сделать, если это касается государства, и, как показывает опыт, тиран не останавливается ни перед чем, чтобы удержать государство; поэтому у него или в намерении или на деле все грехи мира. В-третьих, потому, что из-за этого его дурного правления проистекают все грехи в народе, поэтому он отвечает за все, как если бы он их совершил; вследствие этого каждая часть его души испорчена. Память его всегда вспоминает об обидах и стремится отомстить и быстро забывает о благодеяниях друзей; рассудок всегда стремится измыслить мошенничество, обман и другое зло; воля полна ненависти и извращенных желаний, воображение – ложных и дурных картин; и все внешние ощущения он использует дурно или для собственных вожделений, или в ущерб и поношение ближнему, ибо он полон гнева и презрения. И это происходит с ним оттого, что цель свою он полагает в обладании государством, которое сложно, даже невозможно удержать долгое время, потому что ничто насильное не бывает вечным; поэтому, чтобы объединить си-

лой то, что само собой рушится, ему приходится быть очень бдительным. А поскольку цель дурная, то все, подчиненное ей, также обязательно дурно; и поэтому тиран не может никогда ни думать, ни вспоминать, ни воображать ничего кроме дурных вещей, и если и делает он что-либо доброе, то не ради блага, но чтобы приобрести славу, друзей, чтобы лучше укрепиться в этом испорченном государстве; поэтому он как дьявол, отец гордыни, который думает лишь о зле, а если говорит что-то истинное и делает что-то, что имеет вид добра, то все подчиняет дурной цели и особенно своей великой гордыне. Так и тиран все доброе, что делает, подчиняет своей гордыне, в которой он любыми способами старается оставаться; поэтому, чем более учтивым выглядит тиран снаружи, тем более он коварен, более зол и наставляем более хитрым злым духом, который принимает вид ангела света, чтобы нанести больший удар.

Тиран также является наихудшим в том, что касается управления, где он стремится преимущественно к трем вещам. Во-первых, чтобы подданные не понимали ничего в управлении, или совсем ничего, или самое неважное, дабы они не разобрали его хитрости. Во-вторых, стремится посеять вражду среди граждан не только в городах, но также в замках, в поместьях, в домах и среди своих помощников, и даже среди своих советников и родичей, потому что как царство истинного и справедливого царя поддерживается дружбой подданных, так тирания держится на вражде людей, так как тиран благоволит одной из партий, которая подавляет другую и делает сильным его самого. В-третьих, стремится всегда подавить могущественных, чтобы обезопасить себя, и поэтому он убивает или строит козни людям, превосходящим других в имуществе, или в знатности, или в смекалке, или в других добродетелях; и мудрых людей держит в поношении и подвергает их осмеянию, чтобы лишить их славы и чтобы за ними не следовали; не хочет он держать граждан за друзей, но за рабов, – запрещает сообщества и собрания, чтобы люди не дружили между собой, из страха, как бы не устроили заговора против него. И старается сделать так, чтобы граждане были как можно более нелюдимыми, мешая их дружбе, разрушая их браки и родственные связи, желая устраивать их по-своему, а когда уже все сделано, пытается посеять вражду между родственниками, и есть у него разведчики и шпионы повсюду, которые доносят ему то, что делается и что говорится, – как мужчины так и женщины, как священники, так и монахи и миряне; так, он делает, чтобы его жена и дочери или сестры и родственники дружили и беседовали с другими женщинами, чтобы открывать секреты горожан и все то, что они делают и говорят дома.

Он стремится к тому, чтобы народ был занят насущными вещами и поэтому, как только может, держит его в черном теле посред-

ством поборов и налогов. И часто, особенно во времена изобилия и спокойствия, занимает его зрелищами и праздниками, чтобы народ думал о себе, а не о нем, а также чтобы горожане думали об управлении собственным домом, а не занимались бы тайнами государства, чтобы они были неопытны и неблагоприятны в деле управления городом, а он один был бы правителем и казался бы разумнее всех. Он поощряет льстецов, чтобы каждый старался льстить ему и быть, как он; и он ненавидит тех, кто говорит правду, потому что не хочет встречать противоречия себе, и поэтому он не любит людей, говорящих свободно, и не хочет иметь их рядом с собой. Застолья он устраивает больше не с согражданами, а с иноземцами. И водит дружбу с заграничными государями и великими правителями, ибо горожан считает своими противниками и всегда их боится; поэтому стремится усилить себя для сопротивления им за счет иностранцев. В управлении он хочет быть тайным, показывая снаружи, что не он правит, и говоря, а также заставляя говорить своих приспешников, что он хочет не изменить правление в городе, но сохранить его; поэтому он стремится, чтобы его называли хранителем общего блага и в мельчайших вещах предстает кротким, предоставляя порой аудиенцию мальчикам и девочкам, или беднякам, часто защищая их от малейшей обиды. И показывает себя источником всех почестей и чинов, которые распределяются между гражданами, и стремится, чтобы все были ему за это признательны; но наказания тех, кто ошибается или тех, кого оговаривают его сообщники, чтобы унижить или довести до беды, – их он приписывает магистратам, и извиняется, что не может помочь, чтобы приобрести славу и благоволение в народе и сделать так, чтобы не понимающие его уловки ненавидели тех, кто в магистратурах.

Также он стремится казаться верующим и набожным, но совершает только внешние поступки, как то: ходит в церкви, подает милостыню, строит храмы и капеллы, делает украшения и все в таком роде из чванства. Также беседует с монахами и притворно исповедуется у истинных духовников, чтобы другим казалось, будто его покаяние принято; но, с другой стороны, вредит делу веры, отбирая бенефиции, и раздавая их своим приспешникам и сообщникам, и выискивая их для своих сыновей, и таким образом присваивает себе мирские и духовные блага. Он не хочет, чтобы кто-либо из граждан делал что-то выдающееся, как, например, большие чем он дворцы, или пиршества, или церкви, или великие дела в управлении, или на войне, чтобы самому казаться единственным. И часто тайно унижает великих людей, и, унизив их, возносит напоказ более, чем раньше, чтобы они считали себя обязанными ему, а народ почитал бы его милостивым и великодушным, чтобы больше прославиться.

Он не позволяет вершить правосудие обыкновенным судьям,

чтобы [иметь возможность] поощрять или убивать, или унижать того, кого ему угодно. Он присваивает себе деньги коммуны и отыскивает новые способы взимать налоги и поборы, чтобы собирать деньги; ими он кормит своих приспешников и ими оплачивает государей и капитанов, часто без нужды для коммуны, чтобы дать им какой-либо заработок и сделать их своими друзьями, и чтобы было больше оснований обирать народ, говоря, что нужно платить солдатам. И по этой причине затевает войны без всякой пользы, то есть в них он не ищет ни победы, ни добычи, но делает это только чтобы держать народ в черном теле, чтобы лучше укрепиться в своем положении. Еще он часто на общественные деньги возводит большие дворцы и храмы и везде вешает свой герб; содержит певцов и певиц, потому что любит, чтобы восхваляли только его. Своим питомцам, имеющим низкое происхождение, дает в жены дочерей самых знатных горожан, чтобы унижить и лишить репутации знатных и превознести эти ничтожества, которые, как он точно знает, будут ему верны, не потому что они благородны по духу, но потому, что нуждаются в нем, ибо обычно такие люди очень горды и почитают такую дружбу за великое блаженство.

Он с удовольствием принимает подарки, чтобы копить вещи, и редко одаривает граждан, но больше государей и иностранцев, чтобы приобрести их дружбу. И когда он видит чью-то вещь, которая ему нравится, он расхваливает и разглядывает ее, и ведет себя так, чтобы было видно, что он ее хочет, чтобы хозяин или из стыда, или из страха ему ее подарил; и при себе имеет льстецов, которые подстрекают того и убеждают отдать ее ему в подарок; и часто вещи, которые ему нравятся, он вынуждает одолжить, а после никогда не возвращает. Обкрадывает вдов и сирот, притворяясь, будто бы хочет их защитить, и отбирает владения, поля, дома у бедных, чтобы делать парки, или площадки, или дворцы, или другие вещи, доставляющие ему удовольствие, обещая заплатить справедливую цену и после не давая и половины. Еще он не дает вознаграждения тому, кто прислуживает ему в доме, как положено, желая, чтобы каждый почитал за милость служить ему. Своим приспешникам старается платить из чужого имущества, раздавая им должности и почетные места, которых они не заслуживают, и отбирая у других городские должности, чтобы отдавать тем. И если у кого-то из купцов большой кредит, то пытается довести их до банкротства, чтобы ни у кого не было кредита, как у него.

Превозносит дурных людей, которые без его протекции были бы наказаны правосудием, чтобы те его защищали, защищая таким образом самих себя; а если он и возносит какого-то мудрого и доброго человека, то делает это, чтобы показаться людям ценителем добродетели; тем не менее за такими мудрыми и доб-

рыми он неусыпно следит и не доверяется им, и держит их так, чтобы они не могли ему навредить. Кто не заискивает перед ним и не присутствует у него в доме или [не сопровождает] на площади, считается врагом; и повсюду есть его приспешники, которые совращают молодых, направляя их ко злу, даже против собственных отцов, и приводят их к нему, стараясь впутать всех молодых людей в стране в его дурные замыслы и сделать их врагами всех тех, кого он считает своими противниками, даже собственного отца; и он старается заставить их расточать имущество на пиршествва и другие наслаждения, чтобы они обеднели, а он один остался богатым.

Нельзя назначить ни на одну должность без его ведома и тем более без его согласия; он не желает, чтобы кто-либо назначался без его одобрения – вплоть до дворцовых поваров и прислуги магистратов. Возводит на должности часто меньшего брата или младшего в доме, или того, в ком меньше добродетели, чтобы возбудить в старших и лучших ненависть и посеять между ними вражду. Нельзя вынести никакое решение или приговор или заключить мир без него, так как он всегда старается поощрять одну партию и принижать другую, а это противоречило бы его воле.

Все добрые законы он с изворотливостью пытается испортить, ибо они противны его несправедливому правлению, и постоянно издает новые законы по своему усмотрению. Во всех магистратурах и должностях, как внутригородских, так и внешних, есть тот, кто наблюдает и доносит ему то, что делается и говорится, и отдает приказы от его лица магистратам о том, что им следует делать; поэтому он – прибежище всех порочных и погибель праведникам. И он чрезвычайно мстителен, так что даже за малейшие обиды пытается с огромной жестокостью отомстить, чтобы всех устрашить, потому что он других боится.

И кто плохо говорит о нем, должен прятаться, так как тот будет преследовать его даже на краю света; и осуществляет свою месть с помощью предательств, отравлений и других средств, и еще он человекоубийца, потому что всегда желает устранить препятствия в своем правлении, хотя постоянно показывает, что он не такой и что он сожалеет о смерти других. И часто притворяется, что хочет наказать того, кто совершил убийство, но потом тайно позволяет ему убежать, а тот некоторое время спустя якобы просит прощения, и [тиран] его возвращает и держит при себе.

Еще тиран во всем хочет быть выше всех, даже в мельчайших вещах, как, например, в игре, в разговоре, в турнирах, в верховой езде, в науке; и во всех других вещах, где есть соревнование, стремится быть первым; а когда своими силами не может, пытается быть первым путем уловок и обманов.

И чтобы заставить больше себя уважать, делает так, чтобы с трудом можно было с ним встретиться, и часто занимается в свое удовольствие и заставляет горожан стоять снаружи и ждать, а потом дает им краткую аудиенцию и двусмысленные ответы, и хочет, чтобы его понимали с полуслова, чтобы казалось, что он стесняется просить о том, что плохо, или отказывать в хорошем; поэтому он говорит оборванными фразами, с виду добрыми по смыслу, но хочет быть понятым. И часто издевается над хорошими людьми словами и действиями, насмехаясь над ними со своими сообщниками.

Он ведет секретные переговоры с другими государями и потом, не говоря ту тайну, которая у него, советует о том, что ему делать, чтобы каждый отвечал наугад, и только он казался благоразумным и мудрым, и знатоком секретов государей; и поэтому он хочет давать всем законы только сам, и его малейшая расписочка или слово его конюха для каждого судьи и магистрата значит больше, чем справедливость.

В общем, при тиране нет ничего устойчивого, так как все управляется по его воле, которая руководствуется не здравым смыслом, а страстью; поэтому всякий гражданин при нем находится в подвешенном состоянии из-за его гордости; все богатство подвешено в воздухе из-за его жадности; все целомудрие и чистота женщин в опасности из-за его сладострастия; и везде у него есть сводники и сводницы, которые различными способами доводят до позора чужих жен и дочерей, особенно на больших пирах, где часто в комнатах имеют тайные ходы, куда приводят женщин, которые об этом не догадываются, а там их берут силой; он [тиран] закрывает глаза на содомию, которой он часто предан до такой степени, что нет маломальски красивого юноши, который мог бы быть спокоен. Было бы очень долго рассуждать обо всех грехах и злодеяниях, которые делает тиран, но этого достаточно для настоящего трактата, и теперь рассмотрим касательно собственно города Флоренции.

Глава 3. О благах города, которым препятствует тиран; и о том, что тираническое правление по сравнению со всеми городами наиболее пагубно для города Флоренции

Если тираническое правление – наихудшее для каждого города и провинции, то, как мне кажется, особенно истинно это для города Флоренции, коль скоро мы хотим говорить по-христиански. Поскольку все правления христиан должны быть в конечном счете направлены к блаженству, обещанному нам Христом, и поскольку достигают его лишь посредством праведной христианской жизни, лучше которой (как мы доказали в других местах) не может быть ниче-

го, то христиане должны устанавливать все свои правления, и частные, и всеобщие, таким образом, чтобы эта праведная христианская жизнь являлась их главным следствием и была превыше всего. А поскольку эта праведная жизнь питается и возрастает от истинного богопочитания, должны всегда стремиться удержать, сохранить и зрастить это почитание, не столько в обрядах, сколько в истине, с помощью добрых, святых и ученых служителей Церкви и монахов; а из города, насколько это позволительно и возможно, убрать дурных священников и монахов, так как нет, как говорят святые, людей суше них, таких, которые больше их вредили бы истинному богопочитанию, и праведной христианской жизни, и всякому хорошему правлению. И лучше иметь немногих и добрых служителей, чем много дурных, потому что дурные навлекают гнев божий на город, а поскольку всякое хорошее правление происходит от него [от Бога], то они являются причиной того, что Бог отводит руку свою и не позволяет изливаться благодати доброго правления из-за тяжести и умножения их грехов, из-за которых за ними тянется большая часть народа, и они преследуют всегда добрых и праведных людей; поэтому почитайте и перечитайте Ветхий и Новый Завет и найдете, что все преследования праведников происходили главным образом от таких людей, и что по их грехам на народ пал бич божий, и что они всегда вредили всякому хорошему правлению, совращая умы царей и князей, и других правителей.

Итак, нужно иметь большую заботу о том, чтобы в городе жили праведно, и чтобы он был полон добрых людей, особенно служителей алтаря, ибо, если возрастает божественный культ и праведная жизнь, правление неизбежно становится совершенным. Во-первых, оттого, что Бог и ангелы его имеют о нем особое попечение, как можно часто увидеть в Ветхом Завете, что, когда богопочитание осгавалось или росло, всегда царство Иудейское жило все лучше и лучше; и то же самое было в Новом Завете, при Константине Великом, и при Феодосии¹⁰, и при других благочестивых государях. Во-вторых, по молитвам, которые непрестанно воссылаются теми, кто предназначен к божественному культу, и праведниками города, и также по общим молитвам всего народа на торжествах; поэтому мы итаем в Ветхом и в Новом Завете, как города благодаря молитвам спасались от величайших опасностей и получали от Бога бесчисленные духовные и светские блага. В-третьих, из-за добрых советов, которыми сохраняются и возрастают царства, потому что, если граждане праведны, они имеют особое озарение от Бога, как написано: *Свет сияет на праведника*¹¹, то есть во тьме трудностей этого мира правые сердцем просвещаются Богом. В-четвертых, из-за их единства, ибо, где есть праведная христианская жизнь, там не может быть раздора, так как удалены все корни раздоров, то есть гордость,

10. Средние века, вып. 63

тщеславие, жадность и сластолюбие; а где есть единство, непременно есть сила; поэтому доказано прошедшими временами, что малые царства благодаря единству стали большими, а большие из-за раздоров исчезли. В-пятых, благодаря справедливости и хорошим законам, которые любят праведные христиане; так как говорит Соломон: *Царь правосудием утверждает землю*¹², то есть справедливостью скрепляется царство. Благодаря этой праведной жизни возрастет царство также в богатстве, ибо, когда не будет излишних трат, соберут они в общественной казне бесчисленные сокровища, которыми будут платить солдатам и должностным лицам, и будут питать бедных, и будут держать в страхе своих врагов; особенно же потому, что, зная об их хорошем государственном устройстве, торговцы и другие богатые люди охотно съедутся в город, а соседи, имеющие плохое управление, захотят им подчиняться. И из-за своего единства и расположенности друзей у них не будет нужды во множестве солдат, и все ремесла, и науки, и добродетели соберутся в городе, и накопится здесь несметное богатство, и распространится их царство во многие области; это будет хорошо не только для города, но также для других народов, ибо они получают хорошее управление, и распространится богопочитание, и вера и праведная христианская жизнь возрастут; это будет к большой славе божьей, спасителя нашего Иисуса Христа, царя царей и государя государей.

Так вот всему этому благу мешает и вредит тираническое правление, ибо нет ничего более ненавистного тирану, чем поклонение Христу и праведная христианская жизнь, так как это полностью ему противоположно, а противоположности отталкиваются; и поэтому тиран стремится, как только может, чтобы истинное поклонение Христу было удалено из города, хотя делает он это тайно. И если есть какой-либо добрый епископ, или священник, или монах, особенно если он свободно говорит истину, то он тайно пытается удалить его из города или совратить его лестью и подарками. И по его приказу бенефиции раздаются дурным священникам, или его служителям и сообщникам, и поощряет он дурных монахов, и тех, кто ему льстит.

И всегда он старается испортить молодежь и всю праведную жизнь в городе, как нечто полностью ему противоположное; и если это великий, даже величайший грех для любого города и царства, то особенно он тяжел в государстве христианском, а среди них, мне кажется, особенно для города Флоренции. Во-первых, потому, что этот народ очень склонен к богопочитанию, как известно тому, кто сам чтит Бога; поэтому было бы совсем легко ввести в нем совершенный культ и идеал христианской жизни, было бы только в нем доброе правление. И наверняка, как мы доказываем каждый день, если бы не дурные священники и монахи, Флоренция вернулась бы

к образу жизни первых христиан и была бы зеркалом веры для всего мира; ибо в настоящем мы видим, что среди стольких преследований против праведной жизни и стольких препятствий внутри и снаружи, несмотря на отлучения и наветы, праведники в городе живут так, что (не в обиду всякому другому городу будет сказано) нет другого такого города, где была бы столь совершенная жизнь, как во Флоренции. Итак, если среди стольких преследований и препятствий она растет и плодоносит благодаря Слову Божьему, то что было бы с ней, когда в ней воцарилось бы сиюкойствие, устранилась бы вражда теплохладных и дурных священников, монахов и горожан?

Это подтверждается еще и тонкостью ума живущих в ней, ибо известно всему миру, что у флорентийцев тонкий ум; и мы знаем, что крайне опасно, когда такие умы обращаются ко злу, и особенно, когда к этому привыкают с детства, потому что потом таких людей труднее излечить и они более других способны умножать грех на земле. И наоборот, если обращаются к добру, будет трудно совратить их, и они будут способствовать умножению добра повсюду. И поэтому в городе Флоренции нужно иметь большое усердие к тому, чтобы здесь было хорошее правление и чтобы здесь не могло возникнуть тирании, поскольку мы знаем, сколько зла принесло ей и другим городам тираническое правление; ибо так велика была их хитрость, что они много раз обманывали государей Италии и держали во взаимной вражде не только ближние, но и отдаленные города; и особенно легко это сделать, если в городе много денег и развитое производство, в силу этого [Флоренция] часто приводила в смятение всю Италию.

Сказанное нами подтверждается еще и тем, что не может тираническое правление продолжаться долго, так как ничто насильное (как мы сказали) не может быть вечным, и потому, что если говорить по-христиански, то тираническое правление поущено Богом для наказания и очищения народа от грехов, а когда грехи очищены, такое правление непременно прекращается, ибо по устранении причины устраняется и следствие. Если такое правление не может длиться в других городах и царствах, то особенно во Флоренции не может находиться долгое время в мире, так как эти умы не могут долго пребывать в спокойствии; поскольку из опыта видно, что в ней часто случались волнения горожан против того, кто правил, и из-за этих волнений и гражданских войн всякий раз возникало волнение по всей Италии и было много бед.

По этим причинам, таким образом, и по другим, которые я ради краткости опускаю, ясно видно, что если в любом городе нужно устранить тираническое правление и терпеть любое другое несовершенное правление, лишь бы не тираническое, из которого происходят такие великие беды, больше которых нет, то особенно это нуж-

но сделать в городе Флоренции. И кто хорошо взвесит все изложенное выше, поймет без труда, что нет ни наказания, ни кары столь тяжелой в этом мире, которые соответствовали бы тяжести греха того, кто захочет, или попробует, или даже вздумает сделаться тираном в городе Флоренции, потому что любое наказание, которое можно представить себе в этой жизни, ничтожно по сравнению с таким грехом; но Всемогущий Господь, праведный судья, сможет наказать его по заслугам и в этой, и в другой жизни.

Трактат третий

Глава 1. *Об установлении и характере гражданского правления*

Коль скоро мы определили, что в городе Флоренции наилучшим является гражданское правление, а тираническое среди всех городов для нее – наихудшее, нам остается обсудить, как нужно предусмотреть, чтобы в ней не появился никакой тиран и как нужно ввести это гражданское правление. А поскольку порой тиранами становятся при помощи оружия, а силе нельзя сопротивляться разумом, то в этом отношении мы не можем дать никаких наставлений, но будем иметь в виду лишь разъяснение того, как предусмотреть, чтобы какой-нибудь горожанин не с помощью оружия, но хитростью и при поддержке друзей не стал постепенно тираном, захватывая управление в городе, как это случалось в прошлом. Но поскольку кто-нибудь может подумать, что нужно предусмотреть, чтобы никто из горожан не был чрезмерно богат, так как деньги привлекают к себе народ и слишком богатый человек легко становится тираном, и поскольку, если это предусмотреть, то последует множество неприятностей, ибо слишком опасно отбирать имущество у богатых и слишком сложно положить предел богатству граждан, мы утверждаем, что богатство не является главной причиной, по которой гражданин становится тираном; потому что, если бы у богатого гражданина не было ничего кроме его богатства, он не смог бы привлечь к себе множество других горожан, от которых зависит управление в городе, потому что не так уж много можно ожидать от такого богача; ибо граждане за небольшую сумму денег не позволили бы ему стать тираном, а один гражданин, каким бы богатым он ни был, не смог бы в таком большом городе подкупить столько горожан, сколько нужно, – ведь каждый из них захочет большую сумму денег, а раз уж большая их часть богаты, они естественно сочтут за унижение становиться рабами того, кого они считают равным себе.

Итак, поскольку граждане ищут в городе скорее чинов и славы, чем денег, так как знают, что слава помогает человеку обогатиться, нужно предусмотреть, чтобы ни один гражданин не имел власти ка-

ким-либо образом раздавать доходные и почетные должности и чины в городе, потому что именно в этом – корень того, что в городе появляется тиран, из-за того что многие граждане любят почести и желают иметь репутацию. Поэтому, когда они видят, что другим способом они не могут получить доходные и почетные должности, то подчиняются тому, кто, как им кажется, может их им дать. И так, по мере того как растет число горожан, подчиняющихся тому, кто имеет бóльшую власть, появляется тиран; а когда людей, присваивающих себе это право, несколько, народ неизбежно разделяется и в конце концов граждане сражаются друг против друга, и тот, за кем больше следуют, или победитель, становится тираном. Итак, необходимо постановить, чтобы право распределять доходные и почетные должности принадлежало всему народу, чтобы никто из горожан не был вынужден оглядываться на другого, и каждый считал бы себя равным другому, и никто не смог бы верховодить.

Но поскольку было бы слишком сложно каждый день собирать весь народ, нужно установить определенное число горожан, которые имели бы это право от имени всего народа; но коль скоро малое число может быть совращено дружескими и родственными связями и деньгами, нужно установить большое число горожан; но, возможно, каждый захочет войти в это число, и это может породить общую смуту, так как, вероятно, плебс захочет участвовать в управлении, и это породит беспорядок; поэтому необходимо ограничить это число горожан таким образом, чтобы туда не попадали те, кто может нарушить спокойствие, но чтобы никто из граждан не смог бы и жаловаться. Итак, когда будет установлено это число горожан, которое называется большим советом, и ему будет принадлежать распределение всех должностей, нет сомнений, что он и будет синьором города; правда, необходимо после его установления сделать три вещи.

Во-первых, укрепить его как следует при помощи суровых законов, чтобы у него не могло быть отнято управление. И поскольку граждане, не любящие свой город, пекутся больше о своем, чем об общем благе и поэтому не заботятся о том, чтобы собираться в совете (а от такого небрежения этот совет может утратить свою власть и быть уничтожен), нужно будет постановить, чтобы тот, кто не приходит в положенное время, не имея законных препятствий, в первый раз пусть заплатит столько-то¹³, и пусть штраф будет большим, во второй раз – еще больше, а в третий раз совсем лишит его членства в совете, чтобы то, чего он не хочет делать полюбовно, будучи должником, пусть делает по принуждению, потому что каждый должен любить более общее благо, чем собственное, и за него обязан отдать имущество и жизнь, особенно если учесть, что от хорошего управления проистекает столько благ, а от дурного – столько зла, как мы уже сказали. Нужно вводить другие подобные законы,

наказания и распоряжения мало-помалу в соответствии с опытом, чтобы укрепить совет в положении синьора города, ибо если его не будет, то разрушится все.

Во-вторых, нужно предусмотреть, чтобы этот синьор не смог стать тираном, так как, подобно человеку, который был естественным синьором, поддался дурному влиянию плохих людей и стал тираном, хороший совет из-за хитрости плохих людей становится дурным и тираническим; и поскольку порочные и глупые люди, когда их становится больше, являются причиной многих бед в управлении, нужно распорядиться исключить¹⁴ таких людей из совета, насколько возможно. Также постановить, под страхом тяжелейших наказаний, чтобы нельзя было устраивать сговоры и требовать голоса и поддержку в свою пользу, а кого застанут за нарушением, тот сразу без всякого снисхождения должен быть наказан, так как тот, кто не строг в наказании, не может сохранить царства. Итак, нужно со всей тщательностью позаботиться о том, чтобы устранить все несовершенное и все корни зла, из-за которых совет мог бы быть испорчен и большая часть – попасть в руки дурных людей, так как он немедленно будет разрушен и в городе воцарится тиран.

В-третьих, нужно обеспечить, чтобы он не перегружался¹⁵, то есть чтобы по любому незначительному делу не собирать столько граждан, ведь даже государи занимаются важными делами, а подданным оставляют более мелкие; но при этом по-прежнему оставить право распределять доходные и почетные должности¹⁶, чтобы все проходило через его тщательное рассмотрение, дабы устранить начала тирании, как мы уже сказали; и поэтому необходимо сделать такое постановление, чтобы собирались не в такое неудобное для горожан время, чтобы о многих делах, обсуждаемых в день собрания, совещаться вместе, и найти способ сделать выборы короткими и чтобы они проводились как можно быстрее. Мы могли бы многое сказать об этом и перейти к частностям, но если флорентийские горожане будут соблюдать то, что мы сказали и то, что мы скажем в следующей главе, то не будут иметь нужды в моем наставлении, ибо они сами, если захотят, с божьей помощью смогут позаботиться обо всем постепенно, с каждым днем набираясь опыта. Я не хотел бы выходить за рамки позволенного мне по чину, чтобы не дать повода нашим противникам роптать.

Глава 2. О том, что должны сделать горожане, чтобы привести гражданское правление к совершенству

Каждый флорентийский гражданин, который хочет быть хорошим членом своего города и помогать ему, как обязан хотеть каждый, должен прежде всего поверить, что этот совет и гражданское

правление послано Богом, как это на самом деле и есть. Не только потому, что всякое хорошее управление исходит от него, но также в силу особого попечения, которое имеет Бог об этом городе Флоренции; что касается этого, то тому, кто был здесь предшествующие три года и не слеп и не лишен полностью здравого смысла, ясно, что если бы не рука божья, не получилось бы никогда такого правления при столь сильных противоречиях, и не смогло бы оно сохраниться вплоть до этого дня, когда так много интриганов и так мало помощников; но поскольку Бог хочет, чтобы мы возрастали, опираясь на интеллект и свободную волю, которые он нам дал, он делает то, что относится к человеческому управлению, несовершенным, чтобы мы сделали это совершенным с его помощью. Итак, поскольку это правление еще несовершенно и ущербно в некоторых отношениях, более того – не имеет почти ничего кроме основания, каждый гражданин должен желать, как только может, довести его до совершенства, и действовать для этого; если же хотеть это сделать, то все, или большинство, должны иметь следующие четыре вещи.

Во-первых, страх божий, так как несомненно, что всякое царство и правление – от Бога, как, впрочем, и все от него, ибо он – первопричина, управляющая всякой вещью; и мы видим, что управление в природных вещах совершенно и устойчиво, так как природные вещи подчинены ему и не противятся его правлению; так, если бы горожане боялись Бога и подчинялись бы его заповедям, без сомнения он привел бы их к совершенству их правления и просветил бы их относительно всего, что им надлежит делать.

Во-вторых, понадобится, чтобы они любили общее благо города и чтобы, когда они в магистратурах или других должностях, то оставили бы в стороне все свои личные и собственные [желания] и [желания] своих родственников и друзей и заботились бы только об общем благе, так как это чувство прежде всего просветит очи их разума, и, лишённые собственных пристрастий, они останутся без фальшивых очков, ибо, имея в виду цель управления, с трудом смогут ошибиться в том, что подчинено этой цели. С другой стороны, они заслужат того, чтобы общее благо возросло с божьей помощью, так как, помимо других причин, по которым римляне так распространили свою империю, есть и та, что они очень любили общее благо города, и поэтому Бог (который не хочет оставлять без вознаграждения никакое добро, а вечной жизни это дело не заслуживало, так как было без благодати), желая вознаградить это благое дело, вознаградил его земными благами, соответствующими делу, то есть увеличил общее благо города, распространив их империю по всему миру.

В-третьих, нужно, чтобы граждане любили друг друга, оставили всю ненависть и забыли все прошлые обиды¹⁷, так как ненависть,

плохие чувства и зависть ослепляют очи разума и не позволяют увидеть истину; и поэтому в советах и в магистратурах тот, кто в этом отношении не безгрешен, совершает много ошибок, и по попущению божьему они навлекают наказание за свои и чужие грехи, а если бы они были очищены от таких чувств, то Бог просветил бы их. Кроме этого, если они будут находиться в согласии и взаимной любви, Бог воздаст им за это их благоволение, даруя им совершенное правление и взращивая его; и это еще одна причина того, что Бог даровал римлянам такую империю, ибо они любили друг друга и изначально находились в согласии и, хотя это и не была божественная любовь, она все же была доброй и естественной, и поэтому Бог вознаградил ее земными благами.

В-четвертых, необходимо, чтобы они вершили правосудие, так как правосудие очищает город от дурных людей или заставляет их жить в страхе, и добрые и праведные берут верх, ибо их охотно избирают на должности те, кто любит справедливость; тогда Бог просвещает их относительно всех хороших законов, и они являются причиной всякого блага в городе, который из-за этого преисполняется добродетели, а добродетель всегда поощряется правосудием, и умножаются добрые люди, которые с удовольствием собираются там, где царит справедливость; Бог потом распространяет их империю, как сделал это с римлянами, которым по этой причине, то есть оттого, что они имели строгое правосудие, дал власть над всей вселенной, желая, чтобы ее народы управлялись по справедливости.

Итак, если бы флорентийские горожане захотели тщательно, со здоровым рассуждением уяснить себе, что им подходит только то правление, о котором мы говорили, и захотели бы уверовать, что оно дано им Богом, и соблюдали бы четыре описанные выше вещи, то, несомненно, это правление в скором времени станет совершенным, как из-за добрых советов, на которые они будут собираться, где Бог просветит их относительно того, что они должны будут делать, так и из-за того, что он просветит их особым образом посредством своих служителей относительно многих частных, которые они не смогут уразуметь сами, и создадут уже райское правление и стяжают многие милости как духовные, так и мирские; но если не захотят верить, что это правление дано им от Бога, и что оно им необходимо, и бояться Бога, и любить общее благо, но захотят внимать только собственным желаниям и не пожелают любить друг друга, и будут пребывать во вражде, и не захотят вершить правосудие, то все равно правление, данное Богом, останется, а они все уничтожат друг друга и погибнут, и благодать этого совершенного правления будет дана их детям. И Бог уже показал знамения своего гнева, но они не хотят открыть уши, Бог накажет их в этом мире и в другом, так как в этом мире они будут пребывать в постоянном

беспокойстве рассудка, полные страстей и уныния, а в другом мире будут находиться в вечном огне, ибо они не захотели следовать ни естественному озарению, которое показывает, что это правление истинно, ни сверхъестественному, знамения которого видны. И уже часть тех, кто не пошел по прямой дороге при этом правлении и всегда находился при нем в беспокойстве, страдает в настоящее время от адских мук. Поэтому, коль скоро вы, флорентийцы, убедились по множеству знамений, что Бог хочет, чтобы оставалось это правление, поскольку оно не изменилось несмотря на столько противоречий внутренних и внешних, и поскольку его противникам угрожают многие муки, я прошу вас, ради сердечной любви Господа нашего Иисуса Христа, чтобы вы наконец успокоились и удовлетворились, ибо, если вы этого не сделаете, то он пошлет на вас еще большую кару, большую, чем в прошлом, и вы потеряете и этот мир, и другой; но если вы это сделаете, то стяжете блаженства, которые мы опишем в следующей главе.

Глава 3. О блаженстве того, кто хорошо управляет, и о несчастье тиранов и их сторонников

Итак, поскольку настоящее правление более от Бога, нежели от человека, те горожане, которые с великим радением о славе божьей и об общем благе, соблюдая сказанные вещи, попытаются по мере сил привести его к совершенству, стяжут блаженство земное, духовное и вечное.

Во-первых, освободятся от рабства тирану, о котором, насколько оно велико, мы рассказали выше, и будут жить в истинной свободе, которая драгоценнее золота и серебра; и будут спокойны в своем городе, занимаясь управлением у себя дома, честными заработками и своими владениями со спокойной и радостной душой. И когда Бог умножит им имущество и честь, они не будут бояться их лишиться. Они смогут уезжать в поместье или куда пожелают, не спрашивая разрешения у тирана; и выдавать замуж и женить своих дочерей и сыновей так, как им понравится, и играть свадьбы, и радоваться и дружить с тем, с кем понравится, и совершенствоваться в добродетелях или в изучении наук и искусств, как захотят, и делать другие подобные вещи, которые будут в определенном смысле земным счастьем.

Во-вторых, за этим последует духовное счастье, так как каждый сможет вести праведную христианскую жизнь и никто ему не будет мешать. Никого не будут принуждать с помощью угроз поступать против справедливости в магистратурах, ибо каждый будет свободен; и никто не будет, вынуждаемый бедностью, заключать

плохие сделки, так как при хорошем управлении в городе богатство будет в изобилии, и везде будут работать, и бедные смогут зарабатывать, и детей своих будут воспитывать в благочестии, так как будут хорошие законы о чести женщин и девушек, и при этом особенно возрастет богопочитание. Ибо Бог, видя их доброе расположение, пошлет им добрых пастырей, как сказано в Писании “Бог дает пастырей соответственно народу”, и эти пастыри смогут без препятствий вести своих овец, и умножится число хороших священников и хороших монахов, особенно если там не смогут жить плохие, ибо все изгоняет свою противоположность; и так, в скором времени, город придет к такому благочестию, что будет как рай на земле, и будет жить в ликовании и песнопениях и псалмах; и мальчики и девочки будут как ангелы и будут воспитываться в христианской, а также в гражданской жизни; благодаря им потом, в свое время, в городе установится правление скорее небесное, чем земное, и радость праведников будет так велика, что это будет своего рода духовное счастье в этом мире. В-третьих, этим они заслужат не только вечное блаженство, но также увеличат свои заслуги, и возрастет их венец на небесах, ибо Бог дает наибольшую награду тому, кто хорошо управляет городом, так как, поскольку блаженство награда за добродетель, то, чем больше добродетель у человека и чем больше его дела, тем большей награды он заслуживает; из этого следует, что наибольшая добродетель – управлять собой и другими, а особенно общиной или царством, а не самим собой, и поэтому тот, кто хорошо управляет общиной, заслуживает величайшей награды в вечной жизни. Поэтому мы видим, что во всех искусствах большая награда дается главному, который управляет всеми делами в работе, а не прислуживающим, которые слушаются главного; несомненно, в военном искусстве большая награда дается капитану войска, а не солдатам; а в строительном искусстве подобным образом большая награда дается мастеру и архитектору, а не рабочим; и подобным образом – в других искусствах. Также, чем более выдающееся действие человека, и чем более оно во славу божию и большую пользу приносит ближним, тем более оно заслуживает награды. Поэтому хорошо управлять сообществом, особенно таким, как флорентийское, – выдающееся дело, и в высшей степени во славу божию, и имеет огромную пользу для душ и тел, и для земных человеческих благ, как легко увидеть из всего, что мы сказали выше, то нет сомнения, что оно заслуживает величайшей награды и славы. Также мы видим, что, кто подает милостыню или питает нескольких нищих, сильно вознаграждаем Богом, ибо говорит наш Спаситель, который в день Страшного суда обернется к праведникам и скажет: “Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира,

ибо алкал я, и вы дали мне есть; жаждал, и вы напоили меня; был наг, и вы одели меня; был болен, и вы посетили меня; в темнице был, и там вы посетили меня. Так, как вы сделали это одному из братьев моих меньших, то сделали мне"¹⁸. Итак, если за каждую милостыню Бог премного вознаградит каждого, то какую награду он даст тому, кто будет хорошо править большим городом, благодаря хорошему управлению в котором кормится бесчисленное множество бедняков, заботятся о несчастных, защищают вдов и сирот, спасают из рук сильных и злодеев людей, которые не могут иначе от них защититься, освобождают страну от воров и убийц, охраняют праведных и хранят праведную жизнь и богопочитание, и делается множество других бесчисленных добрых дел? Также каждый любит себе подобного, и чем больше он его любит, тем более на него походит; итак, поскольку творения – подобие божие, то они все им любимы, но коль скоро некоторые из них больше похожи на него, чем другие, то они им больше любимы. Итак, раз уж тот, кто правит, более подобен Богу, чем управляемый, то ясно, что, если он правит справедливо, то он больше любим и вознаграждаем Богом, чем в собственных действиях, когда он не правит; особенно же потому, что тот, кто правит, подвержен большей опасности душевной и телесной, чем тот, кто не правит, еще и поэтому он заслуживает большей награды.

Тот, кто хочет быть тираном, напротив, несчастен в этом мире во-первых, земным несчастьем, так как, что касается богатств, он не может ими наслаждаться из-за многих душевных скорбей, страха, постоянных помыслов и особенно из-за того, что нужно много тратить, чтобы удержаться во главе государства; и желая подчинять себе всех, скорее он всем подчиняется, так как ему нужно всем услужить, чтобы заполучить их благосклонность. Потом, у него нет друзей (а дружба – одно из величайших и приятнейших благ, которые человек может иметь в этом мире), так как он не хочет, чтобы кто-либо был равен ему, и всех держит в страхе, и особенно потому, что тирана почти всегда все ненавидят за его злодеяния, а если дурные люди его и любят, то не потому, что желают ему добра, но любят то, что хотят от него скрыть, а между такими не может быть настоящей дружбы. Еще у него нет доброй славы и почета из-за зла, которое он делает и из-за постоянной ненависти и зависти по отношению к нему. Он никогда не может получить настоящего утешения без печали, так как ему всегда приходится думать и бояться из-за вражды к нему, поэтому он всегда находится в страхе и не доверяет даже собственной страже. Еще он несчастлив духовно, так как он лишен божьей благодати и богопознания. Он окружен грехами и испорченными людьми, которые поминутно следуют за ним и заставляют его впадать в многие заблуждения, как мы показали выше. И

последнее, он получит еще и несчастье в вечной жизни, так как тиран почти всегда неисправим, как из-за множества грехов, которые он совершил и к которым он так привык, что ему очень трудно их оставить, ибо ему нужно вернуть столько обманом отнятых вещей и возместить столько причиненного ущерба, что ему надо было бы остаться в одной рубашке. Насколько это трудно для человека, привыкшего жить в такой гордости и таких наслаждениях, каждому понятно; так как из-за льстецов, которых он имеет [при себе], которые преуменьшают его грехи и заставляют его принимать зло за добро, и из-за того, что его исповедуют и разрешают от грехов теплохладные духовники, выдавая ему белое за черное, он несчастен в этом мире и попадает в ад в другом мире, где его ждет тяжелейшее наказание, большее, чем у всех других людей, как из-за множества грехов, которые он допустил и заставил сделать других, так и из-за должности, которую он себе присвоил, ибо, как хороший правитель получает высшую награду от Бога, так плохой правитель – высшее наказание.

А все те, кто следует за тираном, причастны его несчастью, как в мирском, так и в духовном и вечном, так как они теряют свободу, которая превыше всех сокровищ, а кроме того свое имущество, почести, детей и жен, которые находятся во власти тирана; и постоянно подражают его грехам, так как пытаются делать все, что ему нравится и как можно сильнее уподобиться ему, и поэтому в аду они разделят с ним его тягчайшее наказание.

А все граждане, недовольные гражданским правлением, хотя они и не тираны, так как это не в их силах, разделяют те же самые несчастья, теряя богатства, почести, репутацию, дружбу, ибо к ним собираются все обнищавшие горожане, чтобы вернуть себе состояние, и все дурные люди, поэтому им приходится тратиться, а хорошие их избегают, и поэтому у них ни с кем нет настоящей дружбы, но всякий, кто следует за ними, пытается их обокрасть, а из-за дурных компаний они совершают тысячи грехов, каких они и не совершили бы, и беспокойны сердцем и всегда полны ненависти, зависти и ропота, и получают ад и в этом мире, и в другом.

Итак, поскольку счастлив и подобен Богу тот (как мы доказали), кто хорошо правит, а несчастлив и подобен дьяволу тот, кто правит плохо, каждый гражданин должен оставить грехи и собственные стремления и пытаться править хорошо, сохранять, возвращать и совершенствовать это гражданское правление, во славу божию и во спасение душ, особенно потому, что оно специально дано Богом по особой его любви к этому городу, чтобы он был счастлив в этой жизни и в другой благодатью нашего Спасителя Иисуса Христа, царя царей, государя государей, который с Отцом и Святым Духом живет и царствует во веки веков. Аминь.

- ¹ Речь идет о сочинениях, опубликованных в 1495–1497 гг.: “Триумф креста” (*Savonarola G. Triumphus crucis*. Roma, 1961); “О простоте христианской жизни” (*Savonarola G. De simplicitate christianae vitae*. Roma, 1976); “Краткое изложение откровений” (*Compendium revelationum // Savonarola G. Opere e scritti apologetici*. Roma, 1990).
- ² Мф. 9: 16.
- ³ Имеется в виду правление Медичи (Козимо, Пьеро ди Козимо, Лоренцо, Пьеро ди Лоренцо), продолжавшееся с 1434 по 1494 гг.
- ⁴ Высший исполнительный орган Флорентийской республики, состоявший из девяти человек и переизбиравшийся каждые два месяца.
- ⁵ При Медичи посредством тайного отбора кандидатов, предшествовавшего выборам в магистратуры, круг лиц, имевших возможность получить одну из высших должностей, был существенно ограничен в пользу сторонников семейства. После 1480 г. правом отбора кандидатов в магистратуры обладали 70 человек (так называемый Совет Семидесяти с пожизненным членством).
- ⁶ В 1434 г. Козимо Медичи, позаботившись о собственной безопасности, изгнал из Флоренции представителей враждебного ему клана Альбици и его сторонников; еще одна волна политических репрессий последовала при Лоренцо в 1478 г. после заговора Пацци. Однако вслед за бегством Пьеро, в 1494 г. представителям изгнанных семейств было разрешено вернуться в город и полноправно участвовать в политической жизни.
- ⁷ Карл VIII, находясь во Флоренции в ноябре 1494 г., намеревался восстановить в городе власть Пьеро.
- ⁸ Большой Совет (*Consiglio maggiore*), учреждение которого поддержал Савонарола.
- ⁹ Судя по необычному для трактата обилию конкретных примеров, вся глава построена на ретроспективном осмыслении стиля правления Лоренцо и Пьеро.
- ¹⁰ Речь идет о Медиоланском эдикте 313 г. и об эдикте Феодосия 380 г. – законах, знаменовавших прекращение гонений на христиан и начало мирного сосуществования церкви и империи.
- ¹¹ Пс. 96: 11.
- ¹² Пр. 29: 4.
- ¹³ 14 мая 1495 г. по настоянию Савонаролы был введен штраф для отсутствующих на заседаниях по неуважительной причине. См.: *Leggi costituzionali della Repubblica fiorentina dal 1494 al 1512 / A cura di G.Cadoni // Storia e politica*, 1980 e sgg. V.
- ¹⁴ 1 февраля 1497 г. симпатизировавший Савонароле Франческо Валори, будучи на посту гонфалоньера правосудия, провел закон, в соответствии с которым пересматривалось право нескольких групп граждан заседать в Большом Совете. Эта мера была направлена против противников проповедника. (см. *Ibid.* XII. P. 461–471).
- ¹⁵ В августе 1496 г. доминиканец особенно подробно останавливался в проповедях на том, как сократить заседания, сделав их доступными для дорожащих временем купцов и владельцев мастерских. См.: *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea*. Roma, 1962. Vol. 2. P. 121–122).
- ¹⁶ Во Флоренции многие высшие должности (*опогі*), включая Синьорию, не оплачивались и рассматривались как почетное служение коммуне; более мелкие служили источником дохода для горожан.
- ¹⁷ *Pace universale* (“всеобщий мир”) был одним из главных лозунгов Савонаролы, с конца 1494 г. требовавшего не допустить разгула мести по отношению к изгнанным Медичи и их сторонникам (*Savonarola G. Prediche sopra i Salmi*. Vol. 1. P. 79), однако даже принятый по его настоянию 19 марта 1495 г. соответствующий закон (*Lex pacis et appellationis*) не избавил город от всплеск гражданской розни.
- ¹⁸ Мф. 25: 34.